

Тайный сын президента

A man in a dark suit and a woman in a white shirt are in a locker room. The man is leaning in and touching the woman's neck. The woman is looking up at him. The background is filled with lockers.

И ЕГО ПРОБЛЕМА

АЛИСА СЕВЕРОВА

Алиса Северова

Тайный сын президента и его проблема

<https://litres.ru/74207198>

Аннотация

Я приехала в «Звёздный Бор», самую элитную школу страны, простой ученицей.

Он — Арсений Верещагин, король лицея, которого все боятся. Один взгляд — и ты уже его собственность.

Сначала он решил меня сломать.

Потом — не смог отпустить.

Теперь я знаю его тайну.

Теперь я — его проблема.

А он — тайный сын президента, готовый ради меня уничтожить всех вокруг и бросить вызов своему отцу.

В золотой клетке элитной школы начинается игра, где ставка — не только сердце, но и жизнь.

И чем глубже я падаю, тем сильнее он одержим.

Внимание: 18+.

Содержание

1	4
2	12
3	18
4	25
5.	31
6.	38
7.	44
8. Арсений	51
9.	57
10.	62
11.	67
12	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

1

Кожа сиденья под ладонями — слишком гладкая. Неприятно гладкая, как что-то живое, что притворяется мёртвым. Я сжимаю лямки рюкзака крепче. «Сочи 2019» — буквы давно выцвели, ткань протёрлась до белизны на углах, а пятно от мороженого я так и не отстирала. Тогда мама сказала: «Потом». Потом не случилось.

Здесь этот рюкзак выглядит как улика. Раскрывает то, что я не принадлежу этому месту.

За окном — сосны. Высокие, прямые, без единого лишнего сучка, будто их тоже кто-то отредактировал под стандарт заведения. Воздух за стеклом угадывается по тому, как двигаются верхушки: холодный, хвойный, с горчинкой октябрьской прели. Машина плавно, почти виновато, замедляется у кованых ворот.

Они открываются без звука.

Просто — были закрыты. И стали открыты. Ни скрипа, ни гула механизма. Только едва слышный щелчок, как будто

кто-то щёлкнул пальцами и решил мою судьбу между делом, не отвлекаясь от более важных мыслей.

Сердце стучит так, что я боюсь — водитель в зеркале заднего вида это видит.

Зарина Скворцова. Я повторяю это про себя в третий раз за час, как молитву, которую не очень понимаешь, но производишь — потому что так надо. Папа сказал, что так безопаснее. Не Орлова, как он. Не Пономарева, как мама. Просто Скворцова. Стипендиатка. Девочка из Сочи, которую взяли за талант. Какой именно талант — я так и не поняла, но папе стало спокойнее, когда это слово появилось в документах. Меньше вопросов и лишнего внимания.

Я умею быть удобной чужой тайной. Я этому давно научилась.

В Сочи всё было понятнее. Не лучше — просто понятнее. Обычная школа в пяти минутах от моря, где после последнего урока мы бежали на пляж в шлёпках, и никто не смотрел на твои кроссовки. Там я знала, кем быть: Зарина, подружка Кати, дочка Лены-официантки, та, которая лучше всех пишет сочинения и хуже всех играет в волейбол.

Потом стали задавать вопросы.

«А почему у тебя айфон последней модели?» «А чья это «Бентли» забирала твою маму в пятницу?» «А правда, что вы живёте в съёмной квартире, но ездите отдыхать в Дубай?»

Слишком много глаз. Слишком много догадок, которые были слишком близко к правде.

Папа приехал в первый раз за два года — в марте, когда мамы уже не было. Приехал, посмотрел на меня долгим взглядом, в котором читалось что-то между виной и решимостью, и сказал: «Пора. В "Звёздном Бору" не болтают. Там учат молчать и выживать».

Я хотела спросить: а зачем мне выживать? Но не спросила.

Машина въезжает на территорию, и я прижимаюсь лбом к холодному стеклу.

Лицей «Звёздный Бор» — это не школа. Это декорация к фильму, в котором мне не дали сценария. Белые корпуса в духе сталинского ампира, но со стеклянными стенами в пол — будто архитектор не мог выбрать между величием и прозрачностью и решил взять оба. Идеально подстриженные газоны — ядовито-зелёные даже в октябре, будто трава здесь тоже боится выбиться из правил. Бассейн в глубине

территории блестит тёмно-синим. Конюшня с красной черепицей. Спорткомплекс с прозрачным куполом. Маленький театральный зал с колоннами — настоящими, не декоративными.

И тишина. Такая плотная, что кажется, её можно потрогать рукой.

Я вдыхаю. Хвоя. Свежая трава. Кофе из невидимой кофейни. И что-то ещё — то, у чего нет точного названия, но я его узнаю, потому что чувствовала однажды, когда папа брал меня в свой московский офис и я стояла в лобби, не смея сесть на белые диваны. Деньги пахнут. Дорого и чуть холодно. Как первый снег на чужом пороге.

Женщина у парковки — в строгом чёрном костюме, с профессиональной улыбкой. Глаза... я не могу понять, добрые они или просто натренированные быть добрыми. Сейчас мне очень нужно, чтобы они были настоящими.

— Зарина Скворцова? — голос мягкий, почти ласковый. — Добро пожаловать в «Звёздный Бор». Я Анна Сергеевна, ваш куратор по адаптации.

Я вылезаю из машины. Мои старые кроссовки — белые, когда-то, сейчас скорее цвета бежевой неловкости — утопа-

ют в идеально ровном гравии. Мимо проходят ученики: тёмно-синие пиджаки, золотые пуговицы, юбки в клетку, белые рубашки. Форма стоит триста тысяч рублей. Папа обещал купить, но не успел. Сказал, что замотался.

Он вообще очень замотался в последнее время. Настолько, что не смог отвезти меня сам. Прислал такси, тариф «Элит», разумеется. Но не своего водителя. Не свою машину. Чтобы не было вопросов. Чтобы его жена не узнала, что у него где-то есть дочь в старых кроссовках, которая едет в элитный лицей, потому что больше некуда.

Анна Сергеевна идёт рядом, рассказывает. Двадцать гектаров. Круглосуточная охрана. Выезд только с разрешения. Шведский стол три раза в день. Домик номер четыре, соседка уже ждёт. Бельё меняют раз в неделю.

— Если что-то нужно — просто скажите. У нас есть всё.

Она произносит это так, будто «всё» — нормальное слово. Будто я не человек, который два года засыпал под скрип диванной пружины и считал это в порядке вещей.

У главного корпуса она протягивает мне карточку-ключ.

— Работает везде, кроме закрытых зон. И, Зарина, — она

слегка понижает голос, — здесь не принято задавать лишние вопросы. Но если будет страшно или тяжело — я рядом. Вы не одна.

Я киваю. Слёзы уже где-то в горле, но я их держу. Не здесь. Потом. Где-нибудь, где никто не видит. Я умею плакать так, чтобы никто не видел. Это тоже давно отработанный навык.

И тут я его замечаю.

Он стоит на широком балконе второго этажа — облокотившись о перила так, будто специально принял позу, зная, что на него смотрят. Высокий. Тёмные волосы слегка растрёпаны ветром — неаккуратно, но с той точной небрежностью, которая на самом деле тщательно выверена. Чёрная рубашка расстёгнута на две верхние пуговицы. Холодные серые глаза.

Красивый. Несправедливо красивый — как бывают красивые люди, которые с детства знают, что им за это ничего не будет.

На одну секунду я забываю всё. Куртку, рюкзак, кроссовки, страх, маму, папину жену, своё место в этом мире. Просто смотрю.

Он поворачивает голову.

Наши взгляды встречаются — и я вижу, как в его глазах происходит маленькая, стремительная работа. Сканирование. Оценка. Вердикт. Всё это занимает ровно столько времени, сколько нужно, чтобы понять: я не прошла ни один пункт.

Он медленно обводит меня взглядом сверху вниз. Задерживается на кроссовках. Усмехается — одной половиной рта, той, которая умеет быть особенно жестокой. Говорит что-то своим. Я не слышу слов, только вижу, как двигаются губы.

Потом чуть повышает голос — именно настолько, чтобы долетело:

— Это не новенькая. Это кто-то из персонала приехал.

Слова падают точно. Как умеют падать только слова, которые произносят уверенные в себе люди, — без злобы, что было бы почти легче. Просто констатация. Просто факт. Просто я — не того сорта, чтобы быть здесь ученицей.

Я стою. Щёки горят. В горле — ком размером с весь этот октябрь.

Хочется развернуться. Добежать до ворот. Попросить их открыться — пожалуйста, ещё раз, в последний раз, в другую сторону. Вернуться к морю, к шаурме за сто рублей, к старому дивану, к той жизни, где я хотя бы знала правила.

Но машина давно уехала.

Ворота закрыты.

И я здесь. С карточкой-ключом в руке, с рюкзаком на плечах и с ощущением, что самая трудная часть — это не то, что уже случилось. Самая трудная часть — впереди.

Гравий под кроссовками хрустит слишком громко. Или просто всё остальное — слишком тихо.

Я иду за Анной Сергеевной и стараюсь думать о чём угодно, только не о балконе. Не о тёмных волосах, растрёпанных ветром. Не о том, как он посмотрел вниз — спокойно, почти скучающе, как смотрят на что-то, что не заслуживает усилия.

Это не новенькая.

Три слова. Он даже не потрудился сказать их тихо.

Я сжимаю лямки рюкзака. Пальцы не дрожат. Почти.

Домик четыре стоит в конце аллеи — белые стены, тёмные деревянные балки, два плетёных кресла на крыльце и ваза с оранжевыми хризантемами. Всё это выглядит как обложка журнала про «уютную жизнь», которые мама иногда листала в очереди к врачу. Она никогда их не покупала. Говорила: зачем расстраиваться.

Я не успеваю постучать.

Дверь распахивается, и на пороге появляется девушка — высокая, со светло-русыми волосами и улыбкой такой ширины, которая в первую секунду кажется ненастоящей. Но только в первую.

— Зарина! — говорит она — и обнимает меня. Просто так. Без предупреждения, без «можно?». Тепло, крепко, с

запахом клубничного шампуня и чего-то лёгкого, дорогого.

Я стою, как столб, не зная, куда деть руки.

— Я Софа. — Она отстраняется, но ладони оставляет на моих плечах, будто проверяет, не убегу ли. — София Белозёрова, но это только в документах. Ненавижу официоз. Ты тоже, надеюсь?

Я не успеваю ответить. Она уже тянет меня внутрь, попутно махнув рукой Анне Сергеевне: дальше я сама.

Внутри я останавливаюсь.

Это не комната в лицее. Это — другая жизнь, упакованная в сто двадцать квадратных метров. Большой диван цвета топлёного молока, заваленный подушками. Плед, который зовёт в себя просто своим видом. Кофе-машина тихо гудит на мини-кухне, рядом — ваза с фруктами и коробка шоколада. Два отдельных окна смотрят в сосны.

— Твоя спальня справа, — говорит Софа и открывает дверь.

Я захожу.

Кровать застелена белоснежным бельём с запахом лаванды. Мягкий ковёр. Окно на полстены. За стеклянной дверью ванная — мрамор, пушистые полотенца, косметика в маленьких одинаковых баночках.

Я стою посередине и боюсь сделать шаг. Мои кроссовки на этом ковре выглядят именно так, как и должны выглядеть: как ошибка, которую забыли исправить.

— Нравится? — Софа сидит на подоконнике, болтает но-

гами, смотрит на меня с любопытством — без жалости, и это неожиданно приятно.

— Да, — говорю я. И это правда, хотя слово получается каким-то беспомощным для всего этого.

Пока светло, она тащит меня на обход территории — накидывает мне на плечи свою кофту, мягкую и тёплую, и говорит без остановки. Я иду рядом и впервые за день не считаю шаги до ближайшего выхода.

— Бассейн подогреваемый, работает до десяти. Спорт-комплекс — там в основном живёт Артём Селезнёв. Сын владельца «Нацнефти». Двести сантиметров добра и штанги. Лучший друг Арсения, всегда с ним.

Я киваю, хотя имя пока ничего мне не говорит.

— Дарья Лихачёва. Дочь министра обороны. — Софа делает паузу. — Если она на тебя посмотрела — сразу хочется проверить, на месте ли всё. Деньги, телефон, чувство собственного достоинства. Она считает «Звёздный Бор» личной вотчиной.

Мы огибаем угол, и Софа чуть понижает голос, хотя вокруг только сосны и ранний октябрьский сумрак.

— Тимур Кумыков — из очень серьёзного кавказского клана. Красивый, резкий, умный. Лучше без причины не цеплять. Злата Ветрова — дочь главы администрации Президента. В голове у неё картотека на каждого. Что-то произошло — она уже знает, уже разослала по чатикам, уже интерпретировала в свою пользу.

Она останавливается. Смотрит на меня — прямо, серьёзно, без той широкой улыбки.

— Но главный здесь — Арсений Верещагин. Это не метафора. Он правит лицеем третий год, ему восемнадцать, и формально он такой же ученик, как мы. Но доступ к камерам, охране, связи с руководством — всё через него. Никто не знает точно, кто стоит за ним. Знают только, что одного его звонка хватает, чтобы у человека начались проблемы. Не у него — у его семьи. Понимаешь разницу?

Я понимаю.

— Даже Дарья с ним осторожничает. Держись от него подальше, Зарин. — Она говорит это почти ласково. — Он как дуло пистолета, направленного тебе в лоб. Очень трудно отвести взгляд. А когда отведёшь — уже поздно.

Я молчу.

В голове — балкон. Тёмные волосы. Холодный взгляд, который скользнул по мне сверху вниз и нашёл именно то, что искал: ничего достойного внимания.

Это не новенькая.

— Арсений, — говорю я медленно. — Он высокий? Тёмные волосы?

Софа смотрит на меня. Что-то меняется в её лице — совсем чуть-чуть.

— Серые глаза, — добавляет она тихо. — Вы уже встречались?

Я не отвечаю. Смотрю на верхушки сосен, где уже темнеет

небо.

В домике Софа включает кофе-машину и суёт мне в руки кружку с надписью «Ты теперь в Бору» и каким-то идиотским зайчиком. Кофе горячий, почти обжигает, и я держу его двумя руками, потому что надо же за что-то держаться.

— Не бойся, — говорит она. — Я тебя научу. Здесь выживают. Просто нужно знать правила.

— А ты давно их знаешь?

— Достаточно. — Она улыбается, и в этой улыбке вдруг мелькает что-то, чего я раньше не заметила. Не беспечность. Что-то более сложное.

Я пью кофе и смотрю в окно на чёрный лес.

Значит, это был он.

Значит, первое, что сделал самый влиятельный человек «Звёздного Бора», увидев меня, — это сказал вслух то, о чём я сама думала всю дорогу сюда. Что я здесь — недоразумение. Случайность. Персонал.

Странно, что именно это — не страх, не желание убежать — поднимается откуда-то изнутри и встаёт ровно.

Что-то похожее на злость. Тихую, холодную, совершенно новую.

"Посмотрим, — думаю я. — Посмотрим, Арсений Верещагин."

И в эту секунду мой телефон вибрирует. Незнакомый номер. Одно сообщение.

«Добро пожаловать в Бор, Зарина. Или мне называть

тебя другим именем?»

3

Зеркало в нашей комнате большое — от пола до потолка, в тонкой латунной раме. Дорогое, идеально ровное, такое, которое не врёт и не прощает. Я смотрю в него и не узнаю девочку, которая смотрит в ответ.

Софа стоит рядом с охапкой одежды в руках — довольная, как человек, который нашёл решение проблемы прежде, чем та успела стать катастрофой.

— Надевай, — говорит она и протягивает мне форму. — Прошлогодняя, почти новая. Я в ней один семестр проходила, потом вытянулась на четыре сантиметра и всё, финита. Тебе пока подойдёт.

Я надеваю.

Сначала рубашку — белую, хлопковую, с такими пуговицами, которые хочется долго рассматривать: перламутровые, чуть прохладные на ощупь. Потом юбку в клетку — синяя, зелёная, чёрная, тонкая шерсть, совсем не колет. Потом пиджак. Тёмно-синий, с золотыми пуговицами, подкладка скользкая и прохладная — касается рук изнутри, как прикосновение чего-то чужого.

Я застёгиваю последнюю пуговицу на рубашке и поднимаю глаза.

И вот тут — проблема.

Рубашка, которая на Софе сидит как надо, на мне обтягивает грудь так, что между пуговицами появляется тонкая полоска напряжения — ткань натянута, не рвётся, но держится из последних сил. Юбка, которая у неё была просто юбкой, на моих бёдрах становится чем-то совсем другим. Облегает. Подчёркивает. Рассказывает всему миру то, что я всегда тщательно прятала под свободными толстовками и мешковатыми джинсами.

Я поворачиваюсь боком и чувствую, как щёки заливают жар.

Это выглядит... не так. Не плохо — хуже. Выглядит так, будто я старалась. Будто специально.

— Ого, — выдыхает Софа.

Она смотрит на меня с выражением, которое я не успеваю расшифровать — восхищение? сочувствие? что-то среднее, что бывает, когда видишь красивую вещь в неудобном месте.

— У тебя фигура... — она ищет слово и не находит, только качает головой. — Я в этой форме выглядела как пингвин на параде. А ты выглядишь как ты. Это проблема.

— Я знаю, — говорю я. Голос получается тихий.

— Главное — не нагибаться резко. И за передние парты не садись.

Она говорит это совершенно серьёзно, и именно поэтому мне хочется одновременно засмеяться и заплакать.

Я ещё раз смотрю в зеркало. Девочка там — незнакомая. У неё мои глаза, мои руки, мои волосы, кое-как заплетённые с утра, но всё остальное будто принадлежит кому-то другому. Кому-то, кто умеет ходить по этим коридорам, не сжимая внутри себя что-то хрупкое и страшное.

Хочется снять всё это. Натянуть свою старую толстовку с капюшоном и спрятаться в ней, как в норе. Но нельзя.

Здесь так не принято.

Утро встречает нас холодом и запахом хвои, такой острой

и чистой, что першит в носу. Туман ещё не рассеялся — стелется между соснами низкими клочьями, делает территорию похожей на кадр из кино, где вот-вот произойдёт что-то важное. Туфли Софы немного велики, и я ступаю осторожно, по-кошачьи, нащупывая каждый шаг на гравии.

Уже почти научилась не греметь.

Софа идёт рядом и говорит — легко, быстро, как человек, которому никогда не бывает неловко от тишины.

— Расписание здесь устроено хитро. Обязательные предметы — математика, литература, английский, история России, физкультура — у всех одни и те же. Остальное выбираешь сам. Поэтому на каждом уроке разные люди. Никогда не угадаешь, кто окажется за соседней партой.

Она делает паузу.

— Удобно. И немного жутковато. Никогда не знаешь, кто сидит у тебя за спиной.

Я думаю: это звучит как метафора для всего, что здесь происходит.

Учебный корпус пахнет деревом и новой бумагой — так пахнут первые страницы книг, которые ещё не успели полюбить. Потолки высокие, голос здесь сам собой становится тише, как в церкви или библиотеке. Окна от пола до потолка пропускают серый октябрьский свет — не яркий, но честный, такой, который не льстит и не пугает.

Парты стоят полукругом. На каждой — планшет в кожаном чехле цвета тёмного шоколада, встроенная беспроводная зарядка, розетка с золотистой окантовкой. Доска — огромный интерактивный экран, который сейчас тёмный и ждёт. Стулья мягкие, с обивкой — я осторожно касаюсь пальцем и думаю: в самолётах бизнес-класса такие же.

У окна стоят две девочки.

— Маша и Полина, — объявляет Софа своим фирменным тоном человека, который знает всех и рад это продемонстрировать. — У Маши мама — прима Большого, а у Полины отец — считай, лучший адвокат в стране. Самые адекватные в нашем потоке. Девочки, это Зарина. Новенькая.

Маша — невысокая, круглолицая, с косой через плечо — улыбается так мягко и немного застенчиво, что у меня внутри что-то сразу расслабляется. Полина поправляет очки в тонкой оправе и кивает — коротко, но без холода.

— Привет, — говорит Маша тихо. — Если что-то непонятно — спрашивай. Мы нормальные.

От них пахнет детским кремом и мятой. Никакого Dior, никакого Chanel — просто аптека и чистота. Я думаю: хорошо. Хотя что-то знакомое в этом мире, где всё слишком идеально подобрано.

В учебной части — кофе-машина предлагает «капучино с миндальным молоком», и я смотрю на неё как на инопланетный объект — женщина в строгом костюме заполняет мой график.

— Пока пять дополнительных предметов на выбор.

Я выбираю быстро, почти не думая: биология, психология, французский, конный спорт и — в самом конце, почти случайно — театральное мастерство. Сама не понимаю почему. Может, потому что чувствую: здесь мне в любом случае придётся играть роль. Лучше научиться это делать правильно.

Софа смотрит на мой список и одобрительно приподнимает бровь.

— Неплохо. Только на конный спорт не опаздывай — Дарья там хуже любого тренера. И французский тяжёлый, там мсье Анри не любит, когда произносят «р» по-русски.

Физкультура.

У меня нет формы.

Я сижу на деревянной скамейке в дальнем конце спорт-комплекса и смотрю. Запах здесь резкий, живой: резиновое покрытие пола, лёгкий пот, дорогой дезодорант, который не успевает справиться с настоящим усилием, и откуда-то из-за стены — хлорка от бассейна. Под высоким потолком горят лампы, их свет яркий и ровный, без теней, и от этого всё выглядит чуть нереальным. Пол блестит, как замёрзшее озеро.

На площадке — парни.

Баскетбол. Мяч громко бьёт по полу, и звук разлетается под потолком, отражается от стен — бум, бум, бум — ритм, который у меня почему-то в груди отдаётся. Скрип кроссовок. Короткие выкрики. Смех — не злой, настоящий, тот, который бывает, когда человеку хорошо и он не притворяется.

Они все красивые. Это неудобная мысль, но она есть.

Высокие, подтянутые, в чёрно-синих шортах, которые сидят так, будто их шили на заказ. Может, так и есть. Я смотрю на их движения — лёгкие, уверенные, с той естественной грацией, которая бывает у людей, выросших в пространстве, где никогда не нужно было сжиматься, уступать, уходить с дороги.

А потом я вижу его.

Арсений.

Он в центре площадки. Тёмные волосы влажные от пота, прилипли ко лбу и к шее. Спортивная майка потемнела между лопатками — узкая полоса, которую я замечаю и сразу отвожу взгляд. Он двигается иначе, чем остальные: не быстрее — точнее. Как будто пространство вокруг него всегда правильное, и он просто занимает ровно столько, сколько нужно. Ни больше, ни меньше.

Он бросает. Мяч летит по дуге — плавно, неторопливо, как будто у него есть время. И падает в кольцо с тихим шелестом сетки.

Я смотрю. Долго. Слишком долго.

В горле что-то теплеет. По рукам — мурашки, хотя в зале

не холодно. Я знаю, кто это. Помню голос с балкона. Помню усмешку — точную, как скальпель. «Это не новенькая. Это кто-то из персонала».

Красивый. Опасный. Именно такое сочетание, от которого умные люди уходят.

— Зарин.

Софа уже рядом — незаметно подседа, пока я не смотрела.

— Ты что, совсем?

Голос тихий, но интонация — как рука, которая хватается за плечо прямо перед тем, как ты шагаешь не туда.

— На Верещагина так не смотрят, — говорит она. — Со всем. Он это чувствует — вот ей-богу, у него радар на чужое внимание. И он этого не любит. Если заметит — тебе здесь станет очень нескучно жить. Посмотри лучше на Артёма или на Тимура. Они тоже опасны, но хотя бы предсказуемые.

Я послушно перевожу взгляд.

Артём Селезнёв — большой, светловолосый, с той откры-

той улыбкой, которую обычно описывают словом «добродушный». Ловит мяч и смеётся чему-то — громко, от души, запрокинув голову. Тимур Кумыков стоит чуть в стороне: тёмные волосы, резкие скулы, движения сдержанные. Красивый по-другому — не холодно, а как-то остро и неожиданно, как хорошая строчка в тексте, которую не ждёшь.

В этот момент он поворачивает голову.

Его взгляд находит меня сразу — точно, без поиска, как будто он уже знал, где я сижу. Несколько секунд смотрит — серьёзно, внимательно. Потом уголки губ чуть поднимаются. Не улыбка — только её начало, едва намеченное, как карандашный эскиз.

И в этот момент — свист рассекаемого воздуха.

Арсений подает ему пас. Резкий, сильный, без предупреждения.

Тимур не успевает. Мяч пролетает мимо раскрытых ладоней и с гулким стуком уходит в стену.

Тишина на площадке длится ровно секунду.

Арсений останавливается. Медленно, очень медленно по-

ворачивается. Его взгляд движется по залу, как луч фонарика в тёмной комнате — методично, без спешки. И находит меня.

Серые глаза. Холодные. Внимательные.

Вчера с балкона он смотрел так же — сверху вниз, с лёгким презрением, с той скукой пресыщенного человека, которому давно уже ничего не интересно. Сейчас — почти то же самое. Но не совсем.

Что-то изменилось.

Что-то, от чего у меня по шее — медленно, одна за другой — бегут мурашки. И я не понимаю: это страх или что-то другое, что притворяется страхом, потому что другого слова я пока не знаю.

Рядом Софа тихо выдыхает:

— Вот дерьмо.

Я сглатываю.

Мяч лежит у стены. Никто его не поднимает. Тимур смотрит в сторону, и в его спине что-то напряжено — тонко, едва

заметно, как натянутая струна.

Я думаю: я здесь первый день. Ещё не знаю правил. Ещё не понимаю, как здесь всё устроено. Ещё не знаю, кто кому должен уступать дорогу и почему.

Но кое-что уже понимаю.

5.

 Коридор учебного корпуса длинный, с высокими потолками и паркетом цвета светлого мёда. Утреннее солнце падает через высокие окна косыми золотыми полосами, и в этом свете пылинки кружатся медленно, торжественно, как в церкви. Голоса учеников отражаются от стен с лёгким эхом. Пахнет деревом, кофе из автомата в холле и чем-то похожим на новые книги.

— Литература в седьмой, — говорит Софа, не сбавляя шага. — Маргарита Павловна. Строгая, но не злая. Главное — просто тихо молчи. Тогда не тронет.

 Аудитория семь оказывается не похожа ни на один класс, в котором я когда-либо сидела. Стены обшиты тёмным деревом — не пластиком под дерево, а настоящим, с живыми прожилками. На полках вдоль стен стоят книги — плотно, корешок к корешку, явно читанные, не для вида. Парты расставлены полукругом, у каждой — мягкое кресло и маленькая встроенная лампа с тёплым, почти домашним светом. На окнах — тяжёлые портьеры цвета тёмного шоколада, приглушающие уличный шум до едва слышного шелеста сосен.

Учительский стол из массива ореха стоит в центре, как алтарь.

Мы с Софой садимся в середине. Кресло мягко принима-

ет меня, и я на секунду думаю: вот это предательство — когда даже мебель здесь лучше, чем всё, к чему ты привыкла.

Маргарита Павловна входит без предисловий — высокая, в тёмно-сером костюме с тонкой полоской, волосы собраны в безупречный пучок. Она обводит класс взглядом так, будто сверяется со списком: все ли детали на месте. Улыбается уголком рта — не тепло, но честно.

— Сегодня — «Мастер и Маргарита». Алина, вчера читала отрывок. Продолжишь?

 Девушка встаёт из заднего ряда.

Тёмные выющиеся волосы до плеч, большие карие глаза с поволокой, кожа цвета тёплого карамельного латте — такая, что хочется просто смотреть. Она поднимается легко, без суеты, словно для неё не существует понятия «неловкий момент». Форма на ней сидит идеально — не потому что ткань лучше, а потому что она, кажется, носит всё так, будто это её собственный выбор.

Голос у неё мягкий, с едва заметным акцентом, который делает слова чуть медленнее и от этого — весомее.

— «...И вот тогда она поняла, что любовь — это не только счастье, но и огромная ответственность. Ответственность за чужую боль, которую ты уже не можешь вернуть обратно».

В классе становится тихо. Не потому что так положено. А потому что так получилось само.

Маргарита Павловна кивает — с видом человека, который и ожидал именно этого.

— Очень точно, Алина. Ты слышишь текст изнутри. —
Пауза. — Не зря твоя семья так трепетно относится к культуре.

Софа наклоняется ко мне. Дыхание почти у самого уха:
— Дочь армянского миллиардера. Отец финансирует пол-
страны в части культуры — фонды, театры, реставрации.
Очень близко к верхним этажам. С ней все... деликатны. —
Микропауза. — Но она и правда умная. Держится в сторо-
не. Может стать подругой. Или нет. Здесь никогда не знаешь
заранее.

Я слушаю и не отвожу взгляда от Алины. Она садится —
плавно, как будто опускается на воду. И в этот момент смот-
рит в мою сторону.

Наши взгляды встречаются на секунду. Она улыбается —
чуть-чуть, самыми уголками глаз. Тепло. Без оценки. Совсем
не так, как смотрели все остальные вчера.

 Урок идёт. Маргарита Павловна говорит о природе
предательства в романе, кто-то отвечает, кто-то листает
текст на планшете. Я слушаю — или делаю вид, что слушаю.
На самом деле в голове крутится одно.

Сообщение, которое пришло вчера вечером с незнакомо-
го номера.

Я перечитала его раз двадцать. Не ответила. Не знаю, кто
это. Не знаю, что они знают. Не знаю, хуже ли то, что могут
знать, чем то, что я себе уже напридумала.

 После звонка Софа тянет меня за рукав:

— Столовая. Сегодня кавказская кухня. Ты вообще ела сегодня что-нибудь?

— Утром, — говорю я. Это неправда. Утром я не смогла. Столовая оглушает ещё в дверях — запахом, светом, звуком. Специи, горячий хлеб, жареный лук, что-то мясное и тяжёлое. Высокий потолок с лепниной отбрасывает звук обратно вниз — смех, звон посуды, обрывки фраз. Огромные окна во всю стену выходят в лес: сосны стоят вплотную к стеклу, тёмные и молчаливые, как охрана. Столы накрыты белыми скатертями. Шведский стол блестит серебром и фарфором.

Я беру поднос. Тарелку с пловом — рис жёлтый, рассыпчатый, с морковью и изюмом, пахнет зирой и чем-то почти домашним. Стакан тёмно-красного морса. Маленькую круглую булочку с хрустящей корочкой. Всё слишком красивое. Всё слишком правильное. Я держу поднос двумя руками и думаю только об одном: только бы не уронить. Только бы ничего не случилось. Только бы пройти эти несколько метров до стола тихо и незаметно, как тень.

Чьё-то плечо — резкое, без предупреждения.

Поднос выскальзывает.

Грохот разлетается по залу, как выстрел.

Тарелка разбивается — белые осколки по светлому полу. Плов рассыпается широким оранжевым пятном. Морс растекается медленно, страшно медленно, тёмно-красной лужей, которая ползёт к чьим-то белым кроссовкам. Булочка

катится под стол, ударяется о ножку кресла и замирает.

Тишина длится ровно одну секунду.

Потом — смех.

Сначала один голос, потом другой, потом уже несколько сразу, и кто-то уже поднимает телефон, и кто-то хихикает в ладонь, зажмурившись от удовольствия, и кто-то говорит что-то вполголоса, и я слышу только интонацию — насмешливую, лёгкую, равнодушную.

Я стою.

Щёки горят так, что, кажется, это видно снаружи — как фонарик сквозь бумагу. В горле — комок, плотный и сухой. Руки трясутся. Я сжимаю их в кулаки, ногти впиваются в ладони, и это помогает ровно на три секунды, а потом перестаёт помогать.

Хочется стать меньше. Гораздо меньше. Хочется сложиться вдвое и поместиться в пространство между осколками тарелки, где никто не смотрит.

Я поднимаю взгляд.

Он стоит в центре зала.

Арсений Верещагин. Тёмные волосы, серые глаза — и этот взгляд, который я уже знаю, потому что он первый, который я встретила здесь. Он смотрит прямо на меня. Не отводит глаза. Не моргает.

В его взгляде нет смеха. Совсем. Пока все вокруг веселятся — он не веселится. Пока кто-то уже снимает видео — он просто смотрит. Холодно. Внимательно. Как смотрят на что-

то, что неожиданно оказалось интересным.

Он медленно наклоняет голову набок — совсем чуть-чуть, почти незаметно. И я понимаю: он меня запомнил.

Этот взгляд хуже смеха. В смехе хотя бы есть эмоция. Здесь — только прицел.

"Лучше бы он тоже смеялся", — думаю я.

Сбегаю из столовой, так и не поев.

Я нахожу угол в конце коридора — за поворотом, где стоит старый кожаный диван, явно здесь лишний, и кадка с фикусом, который разросся до потолка. Сажусь. Дышу. Считаю до десяти, потом до двадцати, потом бросаю считать.

За окном шумит ветер в соснах. Мерно, глухо, почти как море. Почти.

Шаги в коридоре. Я не смотрю. Не хочу, чтобы меня видели сейчас — с красными щеками и влажными глазами, которые я упорно не даю пролиться.

Шаги останавливаются.

Я всё-таки смотрю.

Арсений стоит у окна в конце коридора. Боком ко мне — он не видит, что я здесь. Или не смотрит. Достает телефон. Смотрит в экран долго, неподвижно. Потом убирает, не ответив. Прислоняется к стене — плечом, слегка, небрежно, — и просто стоит.

И что-то в этой позе — не то.

Не король школы, не холодный взгляд сверху вниз с балкона. Просто человек у окна, который ждёт чего-то, что, ка-

жется, не случится. Плечи чуть опущены. Пальцы без движения. Лицо — обращено к стеклу, к соснам, к серому октябрьскому небу, и в нём нет ничего показного.

Я смотрю на него слишком долго.

Опускаю взгляд.

Злюсь на себя за то, что запомнила.

6.

Я сижу на своей кровати, обхватив колени руками, и всё ещё чувствую, как горят щёки. В голове крутится один и тот же момент: грохот подноса, плов на полу, смех, который разлетелся по всей столовой, и его взгляд. Холодный. Тяжёлый. Будто он смотрел не на меня, а на что-то, что вдруг стало для него интересным.

А потом — коридор. Он стоял у окна один. Плечо прислонилось к стене, взгляд куда-то в сосны. Без этой маски. Я до сих пор злюсь, что запомнила его таким.

Дверь домика открывается. Софа вбегает, слегка запыхавшаяся, щеки розовые. Увидев меня, она сразу замедляется.

— Зарин... ты где пропадала? Я тебя после столовой искала. — Она садится ко мне на кровать, по-турецки. — С тобой всё нормально?

Я качаю головой. Не хочу говорить про поднос. Про то, как все смотрели.

Софа не настаивает. Просто сидит рядом, давая мне время. Потом достаёт телефон, включает экран. Голубоватый свет падает на её лицо.

— Я... не знаю, стоит ли тебе это показывать. Но ты должна понимать, что здесь происходит. — Она смотрит на меня серьёзно. — Это закрытый чат. «Бор 18+». Тебя туда пока не добавили. Говорят, нужно заслужить.

Я молча смотрю на экран. Тёмный фон, куча сообщений, аватарки. Вверху активно мигает имя Злата Ветрова.

Софа пролистывает вверх и находит нужное.

— Злата сегодня в ударе. Она пересказывает, что Совет Пяти уже сделал ставки на тебя.

— Кто это? — спрашиваю я тихо.

Софа чуть наклоняется ближе, голос становится ниже, почти шёпотом.

— Совет Пяти — это не просто компания. Это... верхушка. Пять парней, которые здесь реально решают, кто в силе, а кого можно сломать. Арсений, Артём Селезнёв, Максим Панин, Егор Жарков и Рустам Муртазов. У них отцы на са-

мом верху — олигархи, политики, силовики. Они устраивают свои правила. Решают, кого «принимают» в свой круг, кого травят, кого используют для «развлечений». У них свои тайные вечеринки, свои «проверки» для девушек, свои ставки. Если они кого-то отметили — это уже не просто сплетни. Это приговор. Или подарок. В зависимости от того, на чьей ты стороне.

Она проводит пальцем по экрану.

— Они делают ставки на новеньких. Особенно на тех, кто выглядит... уязвимо. Кто первый «вскроет целку». Кто первый её трахнет. За сколько дней она «сдастся». Кто её «разведёт» первым — через ухаживания, через давление, через подарки, через угрозы. Это их игра. И они играют жёстко.

Я чувствую, как внутри всё сжимается.

Софа показывает сообщения. Злата пишет длинно, с эмодзи и скринами переписки Совета. Артём поставил четыреста тысяч, что это будет Тимур. «Он на физре уже глазел, как на добычу. Новенькая из провинции, без опыта, в обтягивающей форме — максимум неделя, и она перед ним на коленях».

Под постом — куча комментариев. Кто-то пишет, что Ти-

мур «уже в теме», кто-то обсуждает, «как она будет выглядеть голенькой», кто-то кидает ставки на другие имена. Есть и те, кто пишет, что «новенькая слишком гордая, её придётся ломать подольше».

Мне становится физически плохо. Тошнота подкатывает к горлу. Я сжимаю край одеяла так сильно, что ногти впиваются в ладонь сквозь ткань.

— Выключи, — прошу я.

Софа кивает, но продолжает читать глазами. И вдруг замирает. Глаза расширяются.

— Подожди... что за...

Она резко поворачивает телефон ко мне.

— Арсений поставил два миллиона. Против всех.

В чате уже взрыв. Сообщения летят одно за другим:

«Арсений поставил два миллиона против??»

«Он что, заявляет права?»

«Бля, если он поставил против — что-то знает...»

«Или он просто хочет сам её сломать по-своему»

Злата пишет: «Ребят, это не шутка. Арсений реально ки-нул два миллиона против текущих ставок. Он ставит на то, что НИКТО из вас её не вскрыет. По крайней мере — до конца месяца. Это уже не просто пари. Это заявление».

— Софа, пожалуйста, — говорю я, и голос дрожит. — Больше не показывай мне это. Никогда. Мне противно. Мне... мне плохо.

Софа сразу выключает телефон и убирает его в карман.

— Прости. Я не думала, что он так... Я просто хотела, чтобы ты понимала, с кем имеешь дело. Но ты права. Это дерьмо. Я больше не буду.

Мы сидим в тишине. Я смотрю в окно. За стеклом уже темнеет. Сосны сливаются в чёрную стену.

— Пойдём на литературу? — тихо спрашивает Софа. — Это последний урок сегодня. Если не придёшь — будет только хуже.

Я качаю головой.

— Нет. Я не пойду. После столовой... после всего этого...

я не могу. Все будут смотреть. Шептаться. Я не выдержу.

Софа пытается уговорить, но я уже не слышу. В конце концов она сдаётся.

— Хорошо. Я скажу, что тебе плохо. Если что — пиши.

Она обнимает меня быстро и крепко, потом встаёт и уходит. Дверь закрывается с тихим щелчком.

Я остаюсь одна.

Телефон на тумбочке вибрирует. Один раз.

Я беру его.

Сообщение от отца:

«Держись подальше от Верещагина. Он опасен.»

Я читаю строку ещё раз. И ещё. Сердце стучит так громко, что кажется, оно отдаётся в висках, в пальцах, в самом воздухе комнаты.

7.

Утром я встаю раньше Софы, даже не завтракаю. Меня и без того тошнит.

Хочу прийти в класс на математику пораньше, чтобы не шествовать под взглядами.

Я захожу первой и сразу чувствую, насколько здесь всё чужое. Парты стоят ровными рядами, на каждой — идеально чистая поверхность, никаких наклеек, никаких царапин. Только тонкий слой дезинфицирующего средства, которым протёрли всё ночью. Пахнет чем-то химическим и слишком чистым.

Я подхожу к своей парте и замираю.

На середине лежит использованный презерватив. Смятый, белёсый, с засохшим содержимым внутри. Рядом — сложенная вдвое записка. Я смотрю на неё секунду, потом разворачиваю. На обычном тетрадном листке неровным почерком написано:

«Добро пожаловать в Бор, свежее мясо.»

Внутри всё сжимается. Не от страха — от отвращения. Глубокого, вязкого. Я беру презерватив двумя пальцами, как что-то грязное, и бросаю в урну у двери вместе с запиской. Делаю это молча. Не оглядываюсь. Не ищу, кто мог это положить. Просто выбрасываю.

Но внутри уже всё дрожит.

Я разворачиваюсь и иду в туалет.

Дверь кабинки закрывается с тихим щелчком. Я сажусь на пол — прямо на холодный кафель. Спина упирается в стену. Колени подтягиваю к груди. Это старый ритуал. Я делала так ещё в начальной школе в Сочи, когда мальчишки дразнили меня из-за того, что у меня нет отца. Сиделась на пол в кабинке и считала до ста. Медленно. Вслух или про себя — не важно. Главное — не заплакать там, где меня могут увидеть.

Я закрываю глаза.

Один... два... три...

Пальцы холодные. Кафель под бёдрами тоже. Я чувствую, как по спине стекает капля пота, хотя в туалете прохладно. Сердце стучит быстро и неровно. В голове — голоса из чата вчера. «Свежее мясо». «Кто первый её трахнёт». Два мил-

лиона Арсения. И теперь это — на моей парте.

...двадцать семь... двадцать восемь...

Я считаю дальше. Голос в голове становится ровнее. Дыхание тоже. К сорока я уже почти не дрожу. К шестидесяти — внутри становится пусто. К восьмидесяти — просто тихо.

Сто.

Я открываю глаза. Медленно встаю. Подхожу к раковине и смотрю на себя в зеркало.

Лицо бледное. Под глазами — лёгкие тени. Волосы я сегодня собрала в низкий хвост, но несколько прядей уже выбились. Я смотрю себе в глаза и тихо, но отчётливо говорю вслух:

— Ты не сломаешься здесь.

Голос звучит хрипло, но твёрдо. Я повторяю ещё раз, уже жёстче:

— Ты не сломаешься здесь.

Вытираю руки. Выравниваю плечи. Выхожу из туалета.

В классе уже почти все. Кто-то разговаривает, кто-то листает телефон. Я иду к своей парте. И сразу чувствую: на меня смотрят.

Софа сидит на своём месте и косится на меня. Не просто смотрит — косится. Быстро, будто боится, что я замечу. Но я уже заметила.

Я подхожу прямо к ней и тихо, но резко говорю:

— Покажи.

Софа вздрагивает. Пытается сделать невинное лицо.

— Что?

— Экран. Покажи.

Она колеблется секунду, потом нехотя протягивает телефон. Я беру его.

Открыт тот самый чат. «Бор 18+».

Вверху — фото. Моё лицо. Только что из туалета. Бледное, с красными глазами, хотя я не плакала. Я смотрю прямо

в камеру, даже не подозревая об этом. Под фото — подпись от Златы:

«Свеженькая после первого “подарка” ## Кто-то уже успел поприветствовать нашу мышку по полной»

Под постом — куча сообщений.

Злата Ветрова пишет: «Она вышла из туалета вся такая бледная, прям как будто ей уже в рот дали. Жалко, что не я это сняла ##»

Кто-то под ником «Макс_П» (Максим Панин) лайкнул и написал: «лол, она реально выглядит так, будто уже поплакала в кабинке. Классика».

Егор Жарков просто поставил три эмодзи со смехом и ничего не написал.

Рустам Муртазов кинул коротко: «новенькая уже в деле, вижу».

Кто-то из младших написал: «бля, это уже жёстко даже для нас».

Есть и те, кто просто лайкнул пост, не комментируя. И

есть один комментарий, который выделяется: от кого-то с ником без аватарки — «Это уже перебор». Без смеха. Просто так.

Я смотрю на экран ещё секунду. Потом возвращаю телефон Софе. Руки не дрожат. Я сама удивляюсь этому.

Софа смотрит на меня виновато.

— Зарин... я не успела тебя предупредить. Злата выложила это, пока ты была в туалете. Я только увидела...

Я не отвечаю. Просто сажусь за свою парту. Сжимаю зубы так сильно, что челюсть начинает болеть. Внутри всё кипит — стыд, злость, отвращение. Но я повторяю про себя ту же фразу, которую сказала в зеркале:

«Ты не сломаешься здесь».

Снова и снова.

Я не буду плакать. Не буду убегать. Не буду показывать, что мне больно.

Пусть смотрят. Пусть смеются. Пусть делают ставки.

Я не сломаюсь.

8. Арсений

Арсений

Утро начинается с того, что Максим присылает мне сообщение ещё до завтрака.

«Кто-то кинул новенькой на парту гондон и записку. Типа “свежее мясо”. Злата уже выложила в чат».

Я читаю это, стоя у окна своей комнаты, и чувствую раздражение. Не злость. Просто раздражение, как от мухи, которая жужжит над ухом. Идиоты. Настоящие, мелкие идиоты. Я даже не спрашиваю, кто именно это сделал. Мне не интересно. Если бы я захотел, чтобы ей что-то «подарили», я бы сделал это сам. И не так пошло. Не так дёшево.

Я выхожу из спальни в общую гостиную домика. Там уже стоит Кирилл. Ему двадцать восемь, но выглядит он на семнадцать — именно поэтому он здесь. Официально он «переведённый» ученик, сын среднего чиновника. На деле — мой человек. Живёт в этом же домике, но в отдельной комнате. Утром он обычно приходит раньше меня и варит кофе. Не

потому что я просил. Просто так заведено.

Он стоит у мини-кухни в чёрной толстовке и джинсах, спокойно размешивает что-то в кружке. Запах свежесваренного кофе уже разошёлся по комнате. Кирилл не поворачивается сразу. Он всегда даёт мне время войти в день.

— Крепкий? — спрашивает он, не оборачиваясь.

— Как обычно, — отвечаю я.

Он кивает, ставит передо мной кружку и отходит к окну, давая пространство. Я беру кофе. Горячий. Горький. Именно так, как нужно. Кирилл никогда не ошибается в таких мелочах.

Мы выходим вместе. Он идёт чуть позади и сбоку — не как охранник, а как обычный ученик, который просто «по пути». Так и задумано. Чем меньше внимания, тем лучше.

Я иду по аллее к главному корпусу. Утро холодное, сосны мокрые после дождя, воздух тяжёлый и свежий. Кто-то из младших курсантов здоровается первым. Я не отвечаю. Не нужно. Они и так знают — если я хочу, чтобы меня заметили, я сам дам понять.

В голове до сих пор крутится вчерашний разговор с отцом. Короткий, как всегда. Он даже не спросил, как я. Просто сказал, что «ситуация требует внимания» и что он ждёт от меня «взрослых решений». Я уже не помню, когда в последний раз он говорил со мной как с сыном, а не как с ин-

струментом.

Я не люблю думать о нём. Это бесполезно.

По дороге меня догоняет Артём. Высокий, широкоплечий, с этой своей вечной улыбкой, которая у всех вызывает доверие. У меня — только усталость.

— Слышал про новенькую? — спрашивает он, подстраиваясь под мой шаг. — Кто-то уже начал игру без нас.

— Идиоты, — отвечаю я коротко. — Если бы хотели поиграть, сделали бы нормально. А не как в дешёвом порно.

Артём хмыкает. Он не спорит. Никто не спорит.

Я знаю, что все ждут от меня реакции на эту «шутку». Ждут, дам ли я понять, что новенькая — под моей защитой. Или наоборот. Но я сам ещё не решил. Точнее... я не понимаю, зачем мне вообще решать что-то, связанное с ней.

Вчера я поставил два миллиона. Против всех. Сам не понимаю, зачем. Когда меня спросили, я отмахнулся: «Так интереснее». Все поверили. Потому что я всегда так делаю — делаю ход, который никто не ожидает, просто чтобы посмотреть, как они будут суетиться.

Но внутри... внутри было что-то ещё. Что-то, от чего я сам себе противен.

Я не люблю, когда что-то выходит из-под контроля. А она — выходит. С первого дня. С того момента, как я увидел её у ворот в этой потрёпанной куртке и старых кроссовках. Она не должна была здесь оказаться. И уж точно не должна была смотреть на меня так, будто не боится.

Я ускоряю шаг. Артём молчит. Он умеет чувствовать, когда лучше не лезть.

День проходит, как всегда. Я сижу на уроках, но почти не слушаю. Мне не нужно. Я и так знаю больше, чем эти преподаватели могут дать. Они все здесь по одной причине — боятся моего или отцов моих «друзей». Я смотрю в окно, на сосны, и думаю о том, как всё это выглядит со стороны. Красивая тюрьма. Золотая клетка с камерами и охраной ФСО. Отец считает, что держит меня здесь в безопасности. На самом деле он просто не хочет, чтобы я был рядом. Я — запасной вариант. Всегда был. И если что-то пойдёт не так с «основным», он вытащит меня, как кролика из шляпы.

Иногда я думаю, что было бы, если бы я просто... ушёл. Куда-нибудь. Но я знаю ответ. Он найдёт. И сделает так, что

мне станет только хуже.

После обеда собрали Совет Пяти в пустой аудитории. Артём, Максим, Егор, Рустам. Злата тоже пришла — она полезна, когда нужно быстро разнести информацию или, наоборот, заглушить её.

Обсуждали несколько вещей. Во-первых, кто из новых «кандидатов» в этом году может быть полезен, а кого лучше держать на расстоянии. Во-вторых, слухи про то, что один из преподавателей слишком много болтает за пределами территории — нужно проверить. В-третьих, мелкие ставки и «инициативы», которые начали появляться без согласования. Я слушал, иногда бросал короткие фразы. Мне не нужно много говорить. Достаточно, чтобы они поняли направление.

Когда речь зашла про утренний «подарок» новенькой, я отмахнулся:

— Пусть играют, если хотят. Но если кто-то пересечёт черту...

Все кивают. Никто не спрашивает, какая именно черта. Они знают: я сам её определяю.

Вечер выдался тихим. После ужина я вернулся в домик. Кирилл уже был там — сидел в гостиной с книгой, хотя я знал, что он не читает, а просто ждёт. Я прошёл в свою комнату, принял душ и уже собирался лечь, когда в дверь постучали.

Кирилл вошёл без лишних слов. В руках — планшет. Лицо спокойное, как всегда.

— Отец, — коротко сказал он и протянул мне планшет.

Я взял его. Зелёная кнопка «Принять» уже горела.

— Не нужно идти за мной, — сказал я, не глядя на него.

— Я сам найду место.

Кирилл молча кивнул и вышел.

9.

Отбой только что прозвучал. В домике стало тихо. Я лежу в своей спальне и смотрю в потолок. Софа уже у себя, в соседней комнате — я слышу, как она закрыла дверь и как спустя пару минут стихли звуки. Мы с ней спим отдельно, и это, наверное, единственное, что сейчас даёт хоть какое-то ощущение личного пространства.

Мне тяжело дышать. В груди стоит ком, и чем дольше я лежу, тем сильнее он становится. После всего, что произошло за эти два дня — поднос в столовой, презерватив на парте, чат, где надо мной смеются, — внутри всё кипит и одновременно сжимается от страха. Я не могу просто лежать и делать вид, что всё нормально. Мне нужно куда-то деться, хотя бы на время.

Я тихо встаю, стараясь не скрипеть кроватью. Накидываю на пижаму толстовку, засовываю ноги в кроссовки и осторожно выхожу из спальни. В гостиной темно и пусто. Я подхожу к входной двери, прислушиваюсь ещё секунду и выхожу на улицу.

Ночь холодная. Воздух пахнет мокрой хвоей и землёй. Я быстро иду вдоль домиков, стараясь держаться в тени. Сердце стучит тяжело и громко. Каждый шаг отдаётся в ушах. Я не знаю, что именно делаю. Знаю только, что не могу остаться внутри.

Я двигаюсь вдоль высокого забора, туда, где территория переходит в более густой лес. Иду наугад, пока не замечаю в одном месте, что сетка немного отошла от металлического столба. Щель узкая, но, кажется, можно пролезть. Я прижимаюсь к ней, втягиваю живот и медленно, с усилием, протискиваюсь между холодным металлом и сеткой. Куртка зацепляется, но я всё-таки выбираюсь на другую сторону.

За забором темно. Я иду вперёд, не зная точно, куда. Под ногами шуршат сухие листья и хвоя. Ветви цепляются за одежду. Через несколько минут я выхожу к оврагу — он начинается прямо за деревьями и уходит вниз. Я спускаюсь по склону, хватаясь за корни и ветки. Внизу, у самой земли, торчит большой серый камень. Я подхожу к нему и сажусь на землю, прижимаясь спиной к холодной поверхности.

И только тогда позволяю себе заплакать.

Слёзы текут горячо и безостановочно. Я прижимаю ладони к лицу, стараясь не издавать громких звуков. Плачу о ма-

ме. О том, что она не знает, во что я попала. О стыде, который жжёт изнутри после всего, что со мной сделали за эти два дня. О страхе, который уже не отпускает.

Вдруг я замираю.

С другой стороны камня, чуть выше по склону, раздаётся шорох. Кто-то идёт. Осторожно, но уверенно. Я слышу, как хрустят ветки и шуршит земля под ногами. Человек приближается.

Я перестаю дышать. Прижимаюсь к камню как можно сильнее, стараясь не шелохнуться.

Сначала я слышу только шаги. Потом — голос. Мужской. Низкий, чёткий. Он говорит по видеосвязи, я понимаю это по тому, как звучит — немного приглушённо, будто из динамика планшета.

Я не могу разобрать начало разговора. Слова долетают обрывками. Но потом голос становится жёстче, и я отчётливо слышу фразу:

«Если этот сукин сын из ФСО снова полезет в мои дела, я сам его закопаю. И не надо мне про „запасной вариант“, папа. Я уже не мальчик, которого ты прячешь, ты президент,

но и я будущий президент».

Я замираю.

Президент.

Это слово бьёт меня, как пощечина. Я не могу поверить. Но голос... я слышала его по телевизору. Сотни раз. Я знаю этот голос.

Я очень медленно выглядываю из-за края камня.

Он стоит в нескольких метрах от меня, чуть выше по склону. В руках — планшет, экран светит ему в лицо. Даже в темноте я узнаю его сразу.

Арсений.

Он говорит с Президентом. И называет его папой.

Холодный ужас поднимается изнутри. Я резко прячусь обратно за камень и прижимаю ладонь ко рту, чтобы не издать ни звука. Внутри всё сжимается. Арсений — сын Президента. Запасной вариант. Тот, кого прячут.

Я слышу, как он заканчивает разговор. Планшет щёлка-

ет. Потом раздаётся звук зажигалки. Запах сигаретного дыма плывёт в ночном воздухе — тяжёлый и резкий. Он стоит и курит.

Он не уходит.

Я понимаю это с ужасной ясностью. Он будет стоять здесь ещё какое-то время. А когда пойдёт обратно в лицей — ему нужно будет спуститься именно по этой стороне оврага. Через то место, где сижу я.

Мне нужно уходить. Сейчас.

Я начинаю медленно отползать назад, стараясь двигаться как можно тише. Руки и колени утопают в мягкой земле. Я двигаюсь назад, к склону. Каждый сантиметр даётся с усилием.

И вдруг — громкий, сухой хруст.

Ветка под моей ногой ломается с резким звуком, который в ночной тишине звучит оглушительно.

10.

Я сижу на четвереньках и даже не успеваю понять, что произошло.

Только что хрустнула ветка — и в следующую секунду что-то тяжёлое и быстрое обрушивается на меня сверху. Меня резко переворачивают на спину, и я даже не успеваю вскрикнуть. Колено жёстко вжимается между моих бёдер, прижимая меня к земле всей тяжестью. Одна рука мгновенно оказывается на моём горле — тёплая, сильная, с пальцами, которые плотно обхватывают шею. Вторая рука упирается в землю рядом с моей головой.

Я не успеваю вдохнуть.

Надо мной — Арсений. Его лицо в нескольких сантиметрах от моего. В глазах — не холод, а ярость. Настоящая, живая, едва сдерживаемая. Он тяжело дышит. Он выдыхает прямо мне в лицо дым от сигареты — тёплый, горький, едкий. Я зажмуриваюсь, но запах уже обжигает горло.

— Что ты, блядь, услышала? — тихо, но злобно произно-

сит он.

Голос дрожит от ярости. Он явно не в себе. Глаза блестят в темноте, челюсть напряжена. Он выглядит так, будто готов разорвать меня прямо здесь.

Я пытаюсь вдохнуть, но его пальцы на горле слегка сжимаются. Не до боли, но достаточно, чтобы я поняла — он на грани.

— Н-ичего... — выдыхаю я дрожащим голосом.

Он наклоняется ещё ниже. Дым снова обволакивает моё лицо. Я чувствую тепло его дыхания на губах.

— Врёшь, — рычит он. — Ты слышала. Я видел, как ты пряталась. Видел, как слушала.

Его колено между моих ног слегка сдвигается, прижимаясь глубже. Ткань его джинсов жёстко трется о тонкую ткань моей пижамы. Я вздрагиваю всем телом. Он это чувствует. И это его только сильнее злит.

— Ты поняла, кто я? — тихо спрашивает он, наклоняясь ещё ближе. Его губы почти касаются моего уха.

Я молчу. Не могу выдавить ни слова. Сердце колотится так, что кажется, оно сейчас разорвёт грудь. В носу всё ещё стоит запах дыма и его кожи. А его рука на горле... она одновременно пугает и что-то другое делает с моим телом. Что-то стыдное.

Арсений медленно проводит большим пальцем по моей нижней губе. Жёстко. Зло. Потом наклоняется и проводит языком по моему виску — медленно, горячо, намеренно. Я вздрагиваю. Он лизнул меня, как будто помечает. Потом слегка прикусывает мочку уха.

— Ты меня подслушала, — шепчет он мне прямо в ухо. Голос низкий, злой, с хрипотцой. — Ты знаешь то, чего не должна была знать. И теперь я должен решить, что с тобой делать.

Его свободная рука скользит вниз — по боку, по талии, потом ниже. Он сжимает моё бедро пальцами, прижимая меня сильнее к земле. Колено между ног слегка двигается. Давление становится более настойчивым, более... интимным.

— Ты дрожишь, — произносит он тихо, но в голосе всё ещё слышна злость. — От страха? Или от чего-то ещё?

Он снова выдыхает дым мне в лицо. Я зажмуриваюсь, но

не могу отвернуться — его рука на горле не даёт. Дым обжигает лёгкие. А его тело сверху... тяжёлое, горячее, опасное. Я чувствую каждую мышцу. Каждое движение.

Арсений наклоняется ещё ниже и медленно проводит носом по моей щеке, вдыхая меня. Потом снова лизает висок — долго, влажно, почти грубо. Я не могу сдержать тихий звук, который вырывается из горла.

— Скажи мне, — произносит он низко, почти рыча, — что именно ты слышала. И не вздумай врать. Потому что если я пойму, что ты врёшь...

Он не заканчивает фразу. Вместо этого его пальцы на моём бедре сжимаются сильнее, а колено между ног прижимается ещё глубже. Я чувствую, как тепло растекается по низу живота — стыдное, запретное, совершенно неуместное в этой ситуации.

Он отстраняется и смотрит мне прямо в глаза. В его взгляде — бешенство, тревога и что-то ещё. Что-то голодное и опасное.

— Ты меня подслушала, — повторяет он тихо, но жёстко. — Теперь ты моя проблема. И я не люблю, когда у меня появляются проблемы.

Его большой палец снова проводит по моей губе. Медленно. Угрожающе.

— Так что давай, малышка, — шепчет он мне почти в губы, выдыхая очередной клуб дыма, — начинай говорить. Пока я ещё в настроении слушать.

Я смотрю ему в глаза и понимаю, что он действительно на грани. И что от того, что я сейчас скажу, может зависеть очень многое.

11.

— Н-ничего... — выдыхаю я дрожащим голосом. — Я ничего не слышала. Я... я просто шла к камню. Хотела посидеть. А потом наступила на ветку и... и услышала шаги. Я не знала, кто ты. Я правда не знала.

Он смотрит на меня сверху вниз. На его лице медленно появляется кривая, самодовольная ухмылка. Он наклоняет голову чуть вбок, будто рассматривает что-то забавное.

— Не знала, кто я? — тихо повторяет он. — Интересно. Тогда давай я тебе напомним.

Он слегка сжимает пальцы на моём горле, давая понять, что сейчас будет говорить, а я буду слушать. Его большой палец медленно проводит по моей коже — вверх-вниз, будто он не просто держит, а изучает.

— Меня зовут Арсений Верещагин. Здесь, в «Звёздном Боре», я решаю, кто дышит спокойно, а кто нет. Я решаю, кто остаётся в Совете Пяти, а кого выкидывают. Я знаю, что происходит в каждом домике, в каждой аудитории и почти в

каждом чате. Меня боятся даже те, чьи отцы сидят в правительстве. А ты говоришь, что не знала, кто я?

Он выдыхает остатки дыма мне прямо в лицо. Я зажмуриваюсь, но запах уже обжигает горло и лёгкие.

— А теперь послушай ещё кое-что, — продолжает он тихо. — Здесь, за забором, охрана имеет право стрелять без предупреждения. Ты это знаешь? Здесь учатся дети таких людей, что один неправильный шаг — и всё. Охрана не спрашивает. Не предупреждает. Просто стреляет. А ты, между прочим, только что сделала этот неправильный шаг.

Я чувствую, как по спине пробегает холод. Он это видит и слегка улыбается.

— Как ты вообще сюда попала? — спрашивает он, наклоняясь ближе. Его колено между моих ног слегка двигается, прижимаясь глубже. — Расскажи. Мне интересно.

— Я... я нашла щель в заборе, — тихо говорю я. — Просто шла вдоль и увидела, что сетка отошла.

— Просто шла, — повторяет он с издёвкой. — Конечно. А потом просто решила посидеть у камня посреди ночи. И просто случайно услышала, как я разговариваю. Ты, конеч-

но, ничего не поняла. Ты же такая невинная.

Его свободная рука медленно скользит по моему боку. Он сжимает пальцами ткань толстовки, будто проверяет, насколько она толстая. Потом его ладонь неожиданно забирается под неё. Я вздрагиваю, когда чувствую тёплые пальцы прямо на голой коже талии. Он проводит ими вверх, почти до нижнего края лифчика, а потом медленно спускается вниз, к бедру. Движения уверенные, тяжёлые. Он явно не просто трогает — он исследует.

— Вставай, — внезапно говорит он.

Он убирает руку с горла и поднимается. Я тоже пытаюсь сесть, но он хватает меня за локоть и резко ставит на ноги. Потом начинает отряхивать меня от земли и хвои. Его руки двигаются слишком тщательно. Сначала по спине, потом по бокам. Одна ладонь «случайно» скользит по моей груди, сжимая её через ткань толстовки. Потом, когда он проводит руками ниже, его пальцы явно и намеренно сжимают мою ягодицу. Я вздрагиваю, но он делает вид, что просто отряхивает одежду.

— Пойдём обратно, — говорит он. — Я знаю, как пройти, чтобы нас не заметили. Там есть пара мест, где даже камеры плохо ловят.

Я смотрю на него в ужасе.

— Я... я сама...

— Нет, — отрезает он. — Ты со мной. Я тебя доведу. А если останешься одна — тебя быстро увидят. И тогда уже точно будет поздно.

Он достаёт из кармана пачку сигарет, вытаскивает одну и протягивает мне.

— На, — говорит. — Закури. Руки перестанут трястись.

Я смотрю на сигарету, как на что-то опасное, и отрицательно качаю головой. Он усмехается, но убирает её обратно.

Мы идём молча и рядом. Тропинка узкая, и иногда наши плечи почти касаются. Лес вокруг тёмный и тихий. Только наши шаги и редкий треск веток под ногами. В какой-то момент он останавливается и придерживает рукой толстую ветку, которая могла бы хлестнуть меня по лицу. Делает это машинально, даже не глядя. Я замечаю. Он тоже замечает, что я заметила. Мы оба делаем вид, что ничего не произошло, и идём дальше.

Когда мы уже почти у забора, он останавливается и поворачивается ко мне.

— Беги, — тихо говорит он. — Я их отвлеку. Иди прямо к своим домикам. Не оглядывайся.

Я смотрю на него. Он серьёзен. Я киваю и, не говоря ни слова, бегу к щели в заборе. Пролезаю обратно на территорию лица. Сердце стучит так, что кажется, оно сейчас выскочит. Я крадусь вдоль забора, стараясь не шуметь. Отхожу подальше и всё-таки оборачиваюсь.

На ближнем КПП, у ворот, стоит Арсений. Вокруг него — трое охранников. Один из них протягивает ему зажигалку. Арсений наклоняется, прикуривает сигарету и что-то говорит. Охранники смеются. Громко. Арсений тоже улыбается — легко, расслабленно, как будто ничего не произошло.

Он смотрит в мою сторону.

И даже издали я вижу, как уголок его губ слегка приподнимается.

Он меня обманнул.

Он никогда не собирался меня прикрывать. Он просто до-

вёл меня до территории и теперь стоит там, где его никто не тронет, и смеётся вместе с охраной.

Я стою в темноте и чувствую, как внутри поднимается тяжёлая, горькая волна. Стыд. Злость. И что-то ещё — что-то, от чего мне становится ещё хуже. Потому что даже сейчас, даже после всего, моё тело помнит тепло его рук под толстовкой и то, как его пальцы намеренно сжали меня там, где не должны были.

А он стоит и улыбается.

Я возвращаюсь в домик уже глубокой ночью. Тело тяжёлое, как будто я прошла несколько километров. В голове всё ещё стоит запах дыма, ощущение его руки на горле и то, как охранники смеялись вместе с ним у КПП. Я тихо закрываю дверь, снимаю кроссовки и иду в свою спальню. Софа уже спит. Я даже не раздеваюсь полностью — просто снимаю толстовку и ложусь поверх одеяла. Как только голова касается подушки, глаза закрываются сами. Я проваливаюсь в тяжёлый, беспокойный сон, в котором мне снова снится, как я сижу в овраге и слышу голос Арсения: «Я будущий президент».

Утром меня будит писк будильника на телефоне. Я открываю глаза и несколько секунд лежу неподвижно, пытаюсь понять, где я и что происходит. Потом всё всплывает: овраг, Арсений, его обман. Я медленно сажусь на кровати.

Когда я выхожу в гостиную, Софа уже там. Она ставит на стол две кружки с чаем и тарелку с тостами. Увидев меня, она улыбается.

— Доброе утро. Я сделала тебе чай. С бергамотом. Ты какая-то странная. Все нормально?

— Нормально, — тихо отвечаю я и сажусь за стол.

Мы завтракаем почти молча. Софа рассказывает что-то лёгкое про сегодняшние уроки, я киваю в ответ. На несколько минут кажется, что всё как обычно. Будто вчерашней ночи не было.

Первый урок проходит удивительно спокойно. Никто не смотрит на меня слишком долго. Никто не шепчется. Я сижу за партой и стараюсь сосредоточиться на том, что говорит преподаватель. Даже дышится легче, чем я ожидала.

Но после второго урока всё меняется.

Я иду по коридору и начинаю замечать взгляды. Не просто взгляды — тяжёлые, оценивающие. Кто-то отводит глаза, когда я смотрю в ответ. Кто-то, наоборот, смотрит прямо и ухмыляется. В воздухе висит шёпот. Я слышу обрывки фраз, когда прохожу мимо групп учеников:

«...из Сочи...»

«...говорили, что она вообще со всеми...»

«...в прошлой школе её уже все знали...»

Я ускоряю шаг. Сердце начинает стучать быстрее.

Перед третьим уроком меня догоняет Софа. Она берёт меня под локоть и отводит чуть в сторону от потока людей. Лицо у неё серьёзное.

— Зарин... я должна тебе сказать. В чате уже всё. Злата выложила информацию. Она говорит, что её люди... ну, люди Арсения, если честно... пробили тебя по своим каналам. Назвали школу в Сочи, номер, даже класс. И там... — она запинаясь, — там действительно всё совпадает. Злата говорит, что в твоей прошлой школе все знали, что ты... ну... что ты спала со всеми. Что ты была... доступной.

Я смотрю на неё. В груди становится холодно.

Софа отводит взгляд. На её лице — сомнение. Не злость. Не презрение. Просто сомнение. И этого достаточно, чтобы мне стало ещё хуже.

— Даже ты мне не веришь? — тихо спрашиваю я.

— Я... не знаю, — честно отвечает она. — Арсений никогда раньше не врал про такие вещи. А здесь... здесь всё совпадает. Даже номер школы. Злата говорит, что это не просто слухи. Что у них есть подтверждение.

Я молча киваю. Мне нечего сказать.

Следующие два урока проходят под постоянным ощущением взглядов. Кто-то смотрит исподтишка. Кто-то — открыто. На перемене я слышу, как кто-то из младших громко говорит подруге:

— А ты слышала про новенькую? Оказывается, она в Сочи вообще со всей параллелью переспала. И с учителями тоже.

Я сжимаю зубы и иду дальше.

К обеду я уже чувствую себя так, будто меня раздел и выставили на всеобщее обозрение.

После обеда у меня физкультура. Я иду в спортзал, хотя мне совершенно не хочется. Внутри пахнет резиной и потом. Мячи глухо стучат по полу. Я стараюсь держаться у стены, но это не помогает.

Тимур Кумыков замечает меня почти сразу.

Он подходит быстро. Я даже не успеваю отойти, как он прижимает меня к стене у дальней колонны. Одна его рука

упирается в стену рядом с моей головой, вторая — на моём бедре. Он наклоняется слишком близко. Я чувствую запах его одеколона и вижу, как блестят его глаза.

— Слышал, ты любишь повеселиться, — тихо говорит он.
— В Сочи, значит, со всеми спала? Тогда и здесь не откажешься, да?

— Отпусти, — говорю я, пытаюсь оттолкнуть его.

Он только сильнее прижимает меня к стене. Его колено раздвигает мои ноги. Я чувствую, как его тело прижимается к моему. Он наклоняется, чтобы поцеловать меня, и хватается меня за подбородок, когда я пытаюсь отвернуться.

— Не ломайся, — шепчет он. — Все уже знают, какая ты на самом деле.

Его губы почти касаются моих.

И в этот момент его резко отбрасывает в сторону.

Арсений стоит перед ним. Лицо спокойное. А потом он бьёт Тимура кулаком в челюсть — коротко, сильно, профессионально. Раздаётся хруст. Тимур падает на пол, хватаясь за лицо. Из рта течёт кровь.

Рядом спокойно стоит Артём Селезнёв. Он смотрит на Тимура и тихо говорит:

— Ты перегнул, брат.

Арсений не отвечает. Он просто стоит над Тимуром и смотрит вниз. Потом поворачивает голову и смотрит на меня. Его взгляд тяжёлый. Я стою прижатой к стене, всё ещё дрожа. В груди всё сжимается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.